

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

Валентин КУКЛЕВ

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЗВУК

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2009

В. В. Куклев. Приближается звук. Стихотворения.
М.: Вест-Консалтинг, 2009. – 40 с.

Валентин Куклев, поэт, прозаик, публицист, литературовед. Один из основателей Студии Электронной Музыки при музее Скрябина в 70-х годах 20-го века. В эти же годы В. Куклев создает группу «Контекст», в которую входили философы, филологи, психологи. В самиздатовском исполнении публикуются более ста переводов известных мыслителей. Позднее, уже в 90-х годах, эти книги появятся на прилавках книжных магазинов, среди них произведения К. Кастанеды, Дж. Лили, Э. Берна, Дж. Беннета, произведения по истории и практики буддизма... В 1998 году Куклев выпускает «Энциклопедию символов и знаков». В настоящее время В. Куклев является вице-президентом «Национального Инновационного Фонда – Технологии XXI века», членом совета директоров футурологической группы futuра.ru, участником проектов: «Пути развития энергетики в Европе» (совместно с Daimler Chrysler), «Сетевая экономика», «Терроризм в XXI веке» (по заказу Совета Федерации РФ). Работает над созданием комплексного телевизионного проекта «Неизвестная Россия». Член Союза литераторов России. Опубликован в альманахах «Вектор творчества» (книги 2 и 3) и «Словесность» (2007-2009), а также в различных СМИ.

ISBN 5-86676-066-5

Книга выпущена в авторской редакции

- © В. В. Куклев, стихи, 2009
- © Союз литераторов России, идея издания, составление, предисловие, 2009
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2009

Август

«Железный август в длинных сапогах...»

Н. Заблоцкий

Еле видны слёзы дождя на раскидистой кроне
И готовы к полёту на землю созревшие первые листья.
Это август тихонько крадётся на руках
с августейшей короной
И пугает глухие дворы незаметной повадкой лисьей.

Я стою у окна и смотрю, как течёт понедельник,
Как тревогой огней перекрёсток завесу тумана
из смога повесил,
Только что-то бормочет напротив,
синяющим контуром ельник –
Это август с хрустом оперся на спинку брошенных
кресел.

Я же раньше не видел ни деревьев, ни листьев, ни хвои,
Я же раньше не помнил сладость вишен,
твоих поцелуев из слёз,
То лето, время, и меня вело, как будто под конвоем,
Чтобы сегодня вспомнив вдруг,
бежать напропалую и насквозь.

Но неподвижна Божья власть, как папская тиара,
И торжества не видя своего, зачем вершить
чужой апофеоз.
А губы августа в крови вишнево-красных капилляров,
Как тёмный поцелуй в глаза, спешащих пыльных гроз.

А в день грозы скисает молоко
и молния сплетается с закатом.
В оврагах сохла, перезрев, краснела чёрная малина,
И в зареве ревя зарницу,
резвился разъяренный фатум.
А после капал дождь, и утром приходила Ты,
как Магдалина...

* * *

***Анна ми мати та ми манна
Анна пита мя мати панна
Анна дар и мне сень мира Данна***

*Величко, украинский поэт
XVII века*

Донна Анна, Дона Белла, Донна Беата,
Ты помнишь? Мы были с тобой здесь когда-то,
Но к тайным забытым вратам нет возврата.

А помнишь? Я вспомнить когда – никак не могу.
Вот запах увядшей травы на промокшем лугу,
Вот вздохи уснувшей реки, тоскующий клен на
другом берегу.

Я вижу в древних деревьях блужданье заката
И то, что звали тебя совсем не Анна и не Беата,
И облако ночи – стоит – заковано в светлые латы.

Свет вечерний с полусонных небес не спешил.
Там детство играло в муравьиной глуши
Вчера еще не рожденной (новой) души.

Донна Анна, Дона Белла, Донна Беата,
Ведь надо ж – сбылось, свершилось в когда-то,
И вздохи реки, и всхлипы у липы, как эти шорохи, святы.

Благослови, научи, нежная юная Донна,
Знаком законным, звездой креста Ориона,
Тихо звенящим в ночи непреклонно.

Свет не вечерний слетает с небес без последней
надежды.
Вдруг снова увидел, как будто бы прежде:
Облако ночи предстало в светлой одежде.

Манхэттен

Манхэттен, знаешь, теперь в Москве все носят кепи,
А на груди – с крестом большие позолоченные цепи.
Но зиму не поможет переждать тепло
искусственного меха,
Когда сквозняк во мне живет, как медленное эхо...
Насквозь продует – станет не до смеха.
Он, как палач – хозяин эшафота.
Витринам скучно, но для глаз утеха.
Лежать у сердца было грустно твоим фото...
Ведь мы с тобой давно легли на мель.
Манхэттен, ты трижды показал мне цель
И смысл местного и личного успеха,
Свой путь к богатству и движенье к славе – вежу...
В тот жаркий день, чуть-чуть загнав меня, чуть не допив,
Манхэттен, зачем кому-то недолив, кому-то перелив?
Спустил меня на тротуар твой старый лифт,
И я пошел смотреть на вечер, на залив...
Не зная в точности и в наглости ночной пароль
и кодекс...
Вверху воздушный шар крутил свой легкий Тодес...
Я, мрака не страшась, бандита, поехал в Бруклин,
на Манхэттен-Бич,
Туда, где так настырен козырь, где чья-то карта бита.
И там, купаясь, берег посылал призыв и клич...
И в сумраке ночном блестела темной кожей Афродита.

Поворотное слово

Что будет после снов, наверно, поиск поворотных слов,
Мы знаем их, благодаря частиц движенью.
Вот так ловушки ставит старый птицелов,
Один лишь понимая язык полёта и круженья.

Люблю слова в старинном русском их значении
Стихира, скимен, сретенье и стрежень
И, с временем борясь, как быстрым убегающим
теченьем,
Сдаюсь, над головою руки бросив в сажень

В нелегком поиске сюжета бродит сквер,
В пылу его полунамёк тщету оставит нашу без ответа.
Лоланда верит: лишь её, быть может, любит Гулливер,
Но тесен маленький мирок и обморок
чуть бледного рассвета.

Потом Лоланду из кармана на ладонь достанет
Гулливер,
Ладонь притянет ладную долину, чей запах сух и горек.
Фореитор, в помощь, призовёт игривую форель
И вывезет всю сценку на пригорок.

* * *

Вон на Елоховке, опять звонят к вечерне.
Я не иду – а попросту наедине молюсь
Потом ложусь, читаю долго Стерна
Свернувшись в одеяле, как моллюск.

Пришёл в конец, минуя середину,
Но взгляд бессонный всё же захромал.
Сквозняк чуть-чуть пошевелил гардину,
Где птицей мертвой виснет бахрома

А на Елоховке уж не звонят к вечерне,
И тягость ночи предстоит постичь,
Вот так сбиваясь, школу беглости разучивать по Черни,
Вот так в засаде караулят вечность дичь

Но, каково не спать, дойдя до отупенья,
Смотреть на потолок, откуда сыплется извёстка
И медленно затем идти наверх, пересчитав ступени
Так, не поняв в чём дело, или в чём загвоздка.

А на четыре стороны невнятный крик зимы,
ворон галдёж,
В Елоховской, церковный хор и мерный взмах кадила,
И вспомнишь, как сорвался с места крупный
летний дождь.
...вдруг... всё отпустит и на сердце станет мило.

*«Возлюбленная нами,
как никакая другая возлюблена
будет». (Евангелие)*

*Дверь в прошлое закрылась, оставляя узкую, чуть
светлеющую щель, но я отказываюсь верить, что тех
людей, которых мы воистину любили, придётся потерять
навсегда. Но остаются в нашей памяти образы, полуслова,
жесты, брошенные как бы вослед, невзначай...*

Гурзуф

Ты, наверное, помнишь сентябрь и весёлый Гурзуф?
Хоть сегодня об этом забыла на том континенте:
В темноту уплывал теплоходов блуждающий блюз,
Замирая и тая в уже наступившем моменте.

И сейчас мы, как тени в музеях, тревожим холсты
В ожиданье того, чтоб вернулся за нами наш шанс.
Что считать километры? Полёт длинноногой версты
Лишь туда, за тобою в далёкий и чуждый Прованс.

Новый мир, открываясь, тебя, несомненно, простит.
Я ж застрял на востоке, в вечно спящих седых городах.
Что же нас изменяет с годами и тут же куда-то летит,
Мимолётно задев, в тех гремучих ночных поездах?

Мир тебя на колёсах, конечно, умчит далеко.
Аю-Даг потемнеет в ночи, словно сломанный зуб.
И печальным гудком за спиною остынет Гудзон,
Мне легко говорить: «До свиданья, до встречи, Гурзуф»

Мир, конечно, с тобою, тебя он печалью простит,
А меня поджидают лишь тёмные тени у стен.
Мне вдоль них неизбежно под вечер брести,
Отдаваясь усталым шагам, отдуваясь усталостью вен.

Где же ты? Мне твой адрес простой неизвестен.
В той нездешней тиши, не прельщает ничья болтовня,
Ты подкрутишь приёмник, и тут же слетаются вести,
Только нет в тех вестях ни моих позывных, ни меня.

Призвание

Об осени писать чернилами дождя мечты напрасны.
Уж лучше – перьями зарниц и облаком с летящим
почерком

Пошли послание к лесам уже багряно-красным
И в образ звук падения добавь однажды вечером.

Ты ведь поэт, ты, месяца серебряный глашатай,
Полоскою свернись, золой рассыпья в очаге.
Ты тень домов, где скрылся чей-то провожатый,
Ты вкус воды, журчащей в старом бочаге.

Ты свой талант скрывай, стыдись судьбы поэта,
Сядь в уголок, – уткнись в него, как старый веник...
Не в чьей-то наглости чужой, ищи в смирении ответа,
В мольбе, чтобы тебя не покидал твой гений.

Ты о зиме пиши той чёрной краской снега, –
Как город синегорлый мёрз на сыром ветру.
С мороза в дом ворвись с одышкой от бега,
И с книгою усни лишь поутру.

* * *

***А слово жить – ведь значит
покоряться...***

А. Фет.

На улице так холодно, темно, что стынут руки,
И ветер зимний колет, как стилет трёхгранный.
И только плеер мой теплом согреет, звуком
И нежится в бессмыслице скороговорки
речи иностранной.

Ещё при свете месяца вернусь в тепло квартиры.
И вы, из складок темноты придя домой,
оттуда посмотрите,
Как ночь по склону светлому течёт и уползает в дыры,
И свет соседнего окна читается по буквам на санскрите.

Сидите по домам, но свет не зажигайте иногда,
Скорей забудьте скользкий почерк тротуара.
Мы знаешь лишь, как стынут в стужу на востоке города,
И дым от труб едва живой, скользит меж птичьих аур

Недавно, так же в темноте, когда я долго шёл домой,
Зажав тепло нагретое, зарыв его в холодный белый
кулачок,
Я что-то бормотал, и мир вокруг меня ворочался немой,
Всё подставляя мне своё остывшее плечо

Так, ни за что, быть пойманным в квадрат квартала!
Хранитель ангел, пеший мой, ты вовсе не крылат!
Шагам едва живым, отдав всю силу прежнего закала
Я впрок и наизусть запомнил этот постулат.

* * *

На закрытых глазах рисует глаза, Жан Кокто, –
Сюр во снах не реальной, чем мыльные пузыри.
Тень гуляет за домом, дождь – во мраке,
за ним уж Никто
Достаёт свои чёрные масти и крупные козыри.

Марта блюз колдуном в сонные небеса шлет аккорды.
В зимних улицах мёрзнет из далеких краев пассажир,
А над ним: грязных форточек руки, оскалы домов,
башен морды
Стрелочка на щите – надпись мелом – в ночи ориентир...

У тумана бездомного стерта кожа – стелится по Каширке
И шуршит по шоссе, словно шины, но не побуждая
к возврату.
На развилке, раздвоясь, пространство становилось
шире,
Уходя с черным ядом ночным в вечность прямо
к Сократу.

Чтоб еще не сбылось, а туман ускользает без визы
Из расщелины сновидений – слепой пелены темноты,
Тень, спасаясь, взмахнула крылом и с усмешкою
Моны Лизы
В обморок падает, как срываются с крыш
мартовские коты.

Серый дождь, побледнев, свои струи ломает,
как грифель,
Сюр не дорисовав, карандаш убирает в пенал.
И в крови разведенной цветной звук кочует по миру,
как Скифы.
Мрак, уже не таясь, на рассвет свой прикид обменял.

Анима

Я не сплю, всё твой образ, всё кажешься Ты,
Голос твой – шепот бабочек, возгласы сов.
Это странные знаки спускались с далёкой звезды
Им кивали кусты из подлеска прибрежных лесов.

А звезда опускалась всё ниже и ниже ко мне
И горела над морем, шипя бертолетовой солью.
Мне б с тобой говорить, но деревья молчат в тишине.
Ты по белому снегу навстречу бежала, как Сольвейг.

Ты вернулась поведать разливами северных рек,
Что же нам предстоит пережить там, ещё впереди.
Всё меняется, только не мы, мы пребудем вовек,
Той полоской прибрежных лесов, тем усталым: прости...

Я к излучине бросился вверх по реке:
В темноте, на ветру холодели припухшие веки,
Ты рукою созвездий легко провела по щеке –
Закричал муэдзином закат, и восходом откликнулся
в Мекке.

Я не сплю, всё твой образ, всё кажется: «То ли?..»
Всё осталось в тогда, где качаются сосны и звуки.
Ты по белому снегу навстречу бежала, как Сольвейг
И во сне, на бегу, распахнула мне прежние руки.

«О, да...О, нет...О, да...»

Бумага. Пожелтелое письмо, невнятен твой курсив...
И вечный получается курьёз.

Я шёл, я трепетал, надежды чуть у Бога испросив –
Ты встретила потоком ложных слёз.

Просил тебя остаться без условий,
Чтоб устранить ненужную помеху,
Раз не сдержать обещанного слова,
Лукавых слёз, и показного смеха.

Без нот озвучен тусклый звук пюпитра –
Другие времена, твой погрустневший вид,
В пустынном доме рюмка не допита
На стенах блёклый отсвет прежних битв.

Стиль: тёмный круг вокруг сухой глазницы,
Твой странный мир, как тайный путь комет,
Вчерашним расписанием спят ресницы...
А мне б не сбиться на простой ответ.

Из связи с женщиной не сделать братства –
Она, как несговорчивый эсер,
По мелочам, найдёт к чему придраться,
Послав на казнь, небрежно бросит: «Сэр...»

Со страстью расставайтесь на вершине,
Пока ещё горит любви звезда,
Играет кровь, разлуки нет в помине
И губы шелестят: «О, да!.. О, нет!.. О, да!..»

Первый ноктюрн Шопена Сочинение 9, № 2.

Звучало анданте в октаве нежнейшего тона –
Мы плыли по волнам печали и грусти Шопена.
Где взлёты-паденья, там возгласы страсти и стоны,
Там плавно спадая, стихает горластая пена...

Вполсилы ощущали бег октавы,
Нарушив тишину уединенья,
Хотелось сжать затёкшие суставы,
И нот, как губ, сломить сопротивление.

Шуршащий вальс и тихая мазурка,
Двойным нолём отмечен Zero знак.
И с плеч спадала меховая шкурка,
И зрел в ночи звериный Зодиак.

Провал необъясним полутонами. Стихает боль диеза,
В антракте дождь ещё сильней припустит,
Так кровь бежит, не чувствуя пореза.
Нет места мне! Есть место только грусти.

Когда придёт пора цветам акаций,
Пусть образ твой глядит с миниатюр.
Уж нет нужды к свершению *теракций*...
Я слушаю шопеновский ноктюрн.

**Хоть ты меня раздражаешь,
но ты живёшь в моём сердце**

Скажи, как можно внутрь голоса попасть,
Когда ты с телефоном битый час?
Смотрю, как утекает наша страсть...
Вот бледный день скользнул и за окном погас

Уйдёт твоё зеленоглазое веселье
И время ляжет у хвостов длиннот,
Но слышит ящерка внутри расселин
Под камнем музыку небесных нот.

Легко качнуться веткою зелёной,
Иль по ветру лететь сухою строчкой листьев.
Казаться или быть, иль видеть удивлённо,
Как женский смысл далёк от ускользанья истин.

Чтобы утешиться – немедленно заплачь,
Примерь костюм иль выходное платье
Но всё же одиночества палач
Нас примет в свои жесткие объятия.

Твой ласковый укус оставит отпечаток,
И время где-то повернётся вспять,
И след руки, и второпях забытая перчатка –
Всё, ненароком, вспомнится опять.

* * *

Пускай сквозит, сквозь ледяные сквѣзи,
И память, как сквозняк, боль холода уносит
Туда, где серый пепел брошенного снега,
Где никнет буква «А», где альфа и омега...
Пусть на губах взиграет наше эго,
Отстанѣт вдруг с отдышкою от бега.
Зато трубит поклон сквозь небо сизость,
Где горизонт. Его наклон
Возьмѣт глаза мои в полон.
Быть первым или быть последним –
Вот чьей-то жизни эталон,
Увы, не мой. А мне б уйти на остров Авалон.
Моей зимы предвижу хлад и сизость,
Где белый цвет укроет улиц кризис.
Как мы тогда от всех скрывали нашу близость!
Бродили незнакомыми местами,
Пока разлука приходила снами.....

* * *

Целую белый снег и поздний синий вечер,
Целую этих ломких льдинок смех
И полночь, что бросает их к ногам,
Сзывая звуки, запахи навстречу.
Целую лёгкий след от облаков –
Там дирижабль луны скользит
В обнимку с ними по одной дороге.
Автомобилей свет в слепящей рамке гамм,
Срывает маску чёрной темноты, тревоги...
А мы с тобой идѣм, всё спорим не о том,
Хотя спокойствие твоей ладони,
Порой, заменит целый книжный том,
И радость мелких пустяков – в твоѣм полоне.

Я искал свою душу в женском теле

Когда один не спишь на фоне влажной ночи
И слушаешь своей звезды немой укор,
И блеск коснётся глаз, тьма говорить закончит,
Усталым сном приговорив в упор.

Пурпур багрянок, глобус неба и моллюск,
Причёт метанья... Я кому молюсь?
Знак приближенья есть, где минус твой и плюс?..
Возник иероглиф отдаленья – полюс.

Ведь без тебя в который раз я спать ложусь,
Хоть старый доктор не советует Папюс,
Но скоро полная июньская луна
Зажжет светильник тёмного окна.

Подступит тяжесть влажной синей ночи.
Нам некто тихо что-то напророчит,
Но я иду всему наперекор –
Пусть возрадят, пусть выстрелят в упор.

Сомн фраз и слов, ненужных нареканий
Пусть выскажут. Всё это в Лету канет.
И лишь в ушах звучать не перестанет
Под звук гитар, испанских кастаньет.
Пусть боги молвят: «Да», а может, «Нет»,

Скорей всего – то глупая обмолвка,
Злых демонов последняя уловка,
Зато мелькают росчерки комет,
Звезды справляя с месяцем помолвку...

* * *

Несовершенство бега, сломанный каблук,
И в телефонной трубке тихо замер зуммер...
Во сне цветущий встрепенется луг –
Я вдруг проснусь и, словно сразу, умер.

Руками обхвачу, – нет никого в объятьях.
Стоит в ушах пронзительный упрёк.
С тобою, не с тобой, не мог никак понять я,
Проговорили мы не в лад, а поперёк.

Войди в слова мои, как в старый ветхий дом,
Отрадно слушать – ленно отвечать.
Вот что-то падает – наверно книжный том,
Огарком пыльным плавится свеча.

Прости мне суету, глаз воспалённый блеск.
Пусть хор ночных огней поможет снять усталость.
На что нам заговор сговорчивых невест –
Вся суть любви одним лишь нам досталась!

А жизнь, как день, с утра идёт на убыль,
Заладил дождь, за окнами вода.
На мне твои следы: касанья рук и губы
Уже не смоют в памяти года.

Asparagus

Играло утро светом тонкой блузы!..
Но скоро день покажет свой затылок.
Ты нынче без меня собралась в Рузу –
Так больно бьют и поражают с тыла.

Ты медлѐнно спешишь собрать ручную кладь,
Скандал, по-женски, заменив демаршем,
И надо мною умело держишь власть –
Так на столе в салате правит спаржа.

Спросонок глаз картину утра смажет:
В твоих гостях, возможно, я обуза.
Уходишь, не взглянув, лишь хлопнув дверью в раже,
Сильней стянув на мне свой азиатский узел.

Я видел из окна, как ты ушла с оглядкой
Давно готовая плести свои тенета.
Спросонок так вскрывают яйца всмятку –
Так утра скорлупа соскальзывает с лета.

Разбросаны у ног и шпильки, и булавки...
Неверием своим меня в веках прославишь.
А день всё служит, будто на полставки,
Обиженно скользит по нотам пыльных клавиш.

* * *

1

Пока на крышах нескончаем дождь
И ветер за окном вовсю гуляет,
Мне кажется, что ты вот-вот придешь,
Но то, что не придешь, я точно знаю.

Как знаю бледность тени поутру
И алгебру имён, что раньше перечислил.
А привкус сигарет кислит во рту,
Как сроков всех исполненные числа.

Но видно так случилось, так стеклось,
Что рядом нет тебя и даже нет далёко.
Деревья, молча, тычутся в стекло,
И эхо отвечает одиноко.

2

Уходят, уходят по тёмным окошкам потоки
В ночь, за перелесок, в слепую расплывчатостью линий.
Из рёбер серебряных зданий не бьют водостоки –
И ливня ночного давно нет в помине.

Вот так мы с тобой незаметно ведем перекличку,
С других континентов, совсем на иных полюсах.
Лишь отзвук летит от бегущей ночной электрички,
Лишь запах духов, заблудился в твоих волосах..

Огня кто-то просит, но я от мельканья вагонов
Сбиваюсь с простейшей просодии ритма и счёта...
С дождём за тобой побежать, всё равно не догонишь,
Но мне без тебя не хватает сегодня чего-то.

Лишь ночь на пустые поляны опустит вуаль,
И утро, заждавшись, мятежно попросит покоя,
Почувствую вдруг, как до боли становится жаль:
Нет, нет: ни тебя, ни себя –
беззащитный букетик левкоев.

* * *

Сегодня тоже сумрак поздний
Застанет нас на улице врасплох.
Как в детстве, слышен рокот паровозный,
А я бегу среди бегущих строк.
Бегу, воображение пугая.
Мне снится улица, затем другая...
Вот мы с тобой шагаем по бульварам,
Летит, ползёт Садовое кольцо...
Встаёт твоё прекрасное лицо
В витрине лавки антиквара,
Где неразлучна наша пара.
Вверху, в горящих окнах, под лепниной,
Воркует голубино-женский смех,
Там чей-то праздник, может, именины,
И пьют там за удачу и за тех,
Кто в этой жизни что-нибудь да значит.
Но я уткнулся в старый белый мех,
Твоей большой, совсем не детской шубы,
И вдруг застыл, предчувствуя успех –
Ещё не целовал твои застенчивые губы...
А ты поводишь узкими плечами
И говоришь: «Сегодня улицы – наш дом».
...Так много говорили... и молчали
И, незаметно, скрылись за углом...

Перед разрывом

Ты пудришь нос... я вижу лес ресниц – здесь речь лица,
И в бой вступают чёрной мастью пики.
И вечер у дверей, как мраморный швейцар,
Но крылья ожиданий наших сникли.
Не совпадаем мы – различен фактор резус
Твой ген ведёт себя, как наглый тёзка
Ругаемся с тобой, переходя на дерзость,
И кровь уже не кровь – разгоряченность воска.
А знающий молчит. Безмолвен дом без номера с торца,
Скрывая про жильцов, про зависть и корысть...
Но, чтоб там ни было, ты не теряй лица,
И от себя, и от меня беги...Спасись! .
Спешит совсем уйти мой день короткий,
Он знает всё про нас, нырнув на глубину:
Что означает вид твой нежно-кроткий,
Неся, как знак, в себе – мою вину?

* * *

Когда всё хорошо – всё спокойно, как будто в ажуре
В день любви, в день святой Валентина,
Света круг засыпает в ночном абажуре,
Вьётся тонкий дымок – тень седой паутины.

Не вини уходящую женщину – благослови,
Ещё теплится след там, где губы сложились сердечком.
Поцелуев воздушных невидимый трепет лови,
Умудрись иними золотую, с насечкой, уздечку.

Оставаясь у женских желаний, у слуха в плену,
Зазвучал ненастроенный с крышкой открытой рояль.
Ты же с чёрного неба достала седую луну,
В голубином пере отыскала священный Грааль.

Может, помнишь, как ты приходила на святки,
Пряча в бликах лицо, и лукаво готовя тенета.

Так играют, хватая губами младенца за пятки,
И влюблённым зрачком обнимают ночную планету.

Этот день уходящей зимы полюби в феврале.
Свой последний подарок вручи, бантик дернув на ленте.
Припорошенный снегом, внизу прогудел шевроле...
Мы вдвоем в этой рамке, но ты – на другом континенте.

Символы лю

Я счастлив лишь тогда, когда чуть просыпаясь, сплю,
К воспоминаниям прижавшись оробело.
И вот во сне уже шумит, играет символ «Лю»,
Стучится нежность в твоё сердце, донна Белла.

Не видно знаков от тебя, лишь знаки смерти и скорбей,
И три дороги к озеру, и ветер тьмою зарослей ожёг.
Священной женской клятвы нет, а есть затеи скарабея.
И небо робко растворяет ночь, гоня в упряжке
лунный рог.

Ничто не умирает: ни трава, ни облако, ни стрекоза,
И прошлогодний снег вернётся в эту зиму,
И отблеск наших встреч, твой пыл и мой азарт,
И утро станет днём, опять скользящим мимо.

Во сне и наяву, предпочитая изыск,
В раскладах дня, в ночи скорблю и слёзы лью.
За нами месяц вслед, ему знакома близость
И он открыл за нас объятье знаком «Лю».

Твоё стучится сердце в темноту,
А мне бы позабыть все царские замашки...
Не смею знать – поэтому живу,
Надеясь на тебя, как глупый первоклашка.

Тамариск

Там рождается утро, где цветёт на солёной земле
тамариск,
Только я заскучал и забыл тот, в её волосах, гребешок,
Но навстречу мне солнце приносит внезапный сюрприз:
След плетёных сандалий и тонкий тугой ремешок.

Тамариск, расплети её пряди густой темнотой.
Вот и синие сумерки, исподволь, стелятся низко...
Как начать говорить, как пойти этой ночью не к той,
Как мне пить одному, это тёплое терпкое виски?

Повернись гребешком, я тебе горячо помолюсь,
тамариск,
Выйди в светлом по чёрным горячим
дорожкам асфальта.
Если сможешь, прости моё жёлтое сердце измены,
Мари,
А ещё – лёгкий ветер Гурзуфа, цветущую шумную Ялту.

Ты у моря меня уморил, вязкий шум тамариска.
В водянистых квадратах витрин усмехается утро хитро́,
Я с московской молитвой иду по спине Сан-Франциско,
Выбирая кварталы смотрин, повороты метафор и троп.

Ты ведь, манной небесной меня, заманил, тамариск,
Если сможешь – и дальше баюкай, если нет, то наври.
Я готов возвратиться, готов на сговорчивый риск...
Мне бы только найти тот затерянный дом, на
неведомой street.

Покорил, накормил, сладкий привкус принёс, тамариск,
Птицей в клетке во снах позабытую дверь отворил.
Улетай, уходи, приходи только в час не назначенный икс,
Если только простила мне жёлтое сердце измены,
Мари.

Барвинок

Здесь только тени снов, живущих в счастливой стране,
Нас с тобой не найти в том и этом пространстве
счастливом.

Когда царствует день, то я с ним на твоей стороне,
На моей стороне – только ночь, да плакучие старые ивы

Прилегли у реки, потянув затвердевшие спины.
Вдруг, случайно, увидел любимый тобою барвинок
И венки, что-то чувствуя сердцем, сплела Прозерпина,
Посвящением измене вино обернулось незримо.

Застыла капелька уснувшего фонтана.
Кто счастья пожелал, хотел, как видно, зла.
Я каждый день, за нас молился неустанно,
Но только тень измен в тебе ползла.

Вдруг, на асфальте, – бабочка полян,
Как ведьмин знак раскола и крамолы.
Хоть на исходе дня давай начнём с нуля –
А бабочка полян разлад замолит.

Только улица, выгнув висячую спину,
Уходила туда, куда убегала Манон,
Я же комнату нашу уже никогда не покину
И допью до конца недопитое наше вино.

Уснувший мир, беспамятством обложит,
Шуршащий полумрак, вдруг вдохом оживёт,
Далёкая, ты станешь ближних всех дорожке
И встретишь у реки под шум усталых ветл.

* * *

На севере ночи сияет звезда небосклона
Умолкшее слово застыло в звучащем цвете,
И вымолвишь что-то и спросишь лениво, спросонок
И быстро, в отскоке, поймашь, как мяч на лету...

Проснешься с ответом – он выверен сурой Корана,
И, выучив алгебру чуждых, но прочных основ,
Увидишь, – о чудо! – раскрашенный воздух из снов,
И слёзы тюльпана прозрачны на гранях стакана.

А время всё ищет, следит: где неровность лица?
Да, только б успеть ещё раз обернуться,
Ведь лоб запустенья распушит морщинки с конца,
А в зеркале лета, как утро, маячит занудство.

Во-первых... Скликается чаще, уже, во-вторых,
А в третьих, – на празднике корточек – ловко усесться...
Я краски возьму у теней, ненадолго займу, до поры,
Чтоб в зеркале лести всё стало легко и по сердцу.

А после, с трудом выбираясь из путаной фальши,
Ты вспомнишь, о, Господи! – нынче пречистый четверг!
А время летит, ты уходишь всё дальше и дальше,
Уходит Тверская, а вслед за ней Пушкинский сквер.

На севере ночи тускнеет звезда небосклона,
Умолкшее слово торчит в безымянном плену.
И вымолвишь что-то, и скажешь лениво, спросонок,
А, может быть, горько тебя помяну.

Тайна Головинского парка

Молчи, скрывайся и таи...

Ф.И. Тютчев

То вглядываясь ввысь, где облака в цвету,
То в сонный перебор древнейших стен...
Куда аллеи в старом парке нас ведут
Под разговор неспешный черных вен?

Там, где тропы рогатиной развилок,
Там в голову дождя вползает чепуха,
Играет кровь стволов в смолистом запахе опилок,
И тень небесная укрылась в лопухах.

О, если б кто-нибудь проник через завесу,
Перемахнул через глухой забор, –
Так бабочка, не смысля в звоне ни бельмеса,
Летит за помощью в беспомощный собор.

Не трогай больше певчий сумрак лабиринта, –
Пусть тени всплеск скрывает хрупкость покрывала.
Но, грустно как векам звучать на струнах строгой квинты,
Не означать себя и быть никем, и ожидать паденья
и провала?

И если б кто-нибудь измерил тайну века
А утром ласточки полет, её зигзагов низкий путь,
О, как твоё тогда дрожало б тихо веко,
Когда земную обнажала криком суть.

* * *

Здесь тропики, жарко, не так протекает простуда,
По пальмам слепящий торопится к вечеру свет.
Здесь темные ночи на дне океана притушат
огни Голливуда,
И грудь холмов под неоновым небом
задышит рассвет.

Я видел: всё в пёрышках небо, как листья,
озябнув, дрожат,
Как грусть поплавок дернется на пустую приманку.
Полощутся тени на стенах посланием в виде
обломков ножа.
И пальмы помятым слегка разбудили меня спозаранку.

Ну, что же осталось? Лишь пепел ступеней,
ведущих в библиотеку,
Где облаком в небе, сон навевая, стояли, как стражи,
два кипариса.
И прежде, чем кануть? И прежде, чем кинуться в реку,
На суд приведи нас с тобою,
на суд безупречный Париса.

Мое приближенье к тебе, разобраться с ним, –
лишь отдаленье.
Приплыв, прилетев и припав, равнодушно жую чуингам.
В бетоне река к океану течет с неумным стремленьем,
И сердце моё, словно жертву, относит к весёлым богам.

Нет, он не прильнул ни к тебе, ни к огням, ни к стеклу –
Тот вечер был сгустком в яйце из доисторической эры.
Я будущей славой обязан тебе,
как Америке некий Колумб
Под флагом с крестом и в белом плаще тамплиеров.

Flech back (возврат к прошлому)

А ты не умерла в немом кино и наяву.
Старинный фильм смотрю, где чёрно-белый цвет понур,
Смотрю, как исчезает время, и слышу, как века зовут –
Для нас сценарий пишет все тот же драматург.

Ты, вычеркнув меня из длинных списков,
Уходишь в темень напрямки, уходишь в никуда
и точно

Решив не возвращаться, ты уходишь по-английски,
Решив над «и» не ставить мёртвой точки.

Ты, поглядев наверх, потом чуть-чуть назад,
Старалась вновь припасть к сиянью чуда.
Над крышами домов стянула мглу гроза,
И глянец вод померк у городского пруда.

Когда, меня забыв, и много лет спустя,
Оглянешься назад, сквозь жизнь календаря,
И вспомнишь вдруг какой-нибудь пустяк.
Так за окном танцует день, так «не за что» благодарят...

Дыханье замерло, как сердце при отдышке,
Казалась комната светлее от обоев,
Ты позвала меня в пространство старой книжки,
Как будто я ушёл, когда-то, не с тобою.

На последний сеанс «На последнем дыханье» Годара,
Где дрожали желаньем миры неизвестных планет...
И шаги твои улица ночью несла, как ненужный подарок,
И тайком наводила на нас одноглазый лорнет.

Зеркала ночи

Лиловая ночь распускает невидимый шлейф,
И, поднявшись над полночью, уходит с поверхности
в сад.

Спать уложит и облаком ляжет в медленный дрейф,
Отправляясь к тебе в ту забытую вечность – назад.

И никто не потушит холодный огонь от ножа,
его мельхиора

Не уйдёт от отмщенья чернот
и от сглаза чужой канители.

Так ночной белизной западали клавиши
пальцев минора,

И с обрыва бросались обрывки,
аккорды колючей метели.

И, на промысел выйдя,
займется вечным творчеством траур:

Пеплом бабочек посыпая лица окон,
за домом крикливую свалку.

И крещенный всей каменной мощью, запоет тротуар,
И огонь под ногами из синего пепла раздует весталка.

Я уйду вслед за ним, словно в плащ,
завернув непроглядную темень,

И, жалея серебряный свет,
что в тенях шевелится зашторенных комнат.

А вокруг проживает уже незнакомое новое племя,
Что не взглянет во двор и шагов моих больше
не помнит.

Пусть шагает Другой переулками лунных сонат,
Где диванный уют приглашает, нечаянно, в гости.
А в ночных зеркалах затихал мой былой променад,
И метель в темноту все бросала последние горсти.

* * *

***Живет не здесь – в звездах Поэта –
душа моя!***

Е.А. Баратынский

Мы все-таки живем в предчувствии иного света.
Там в Млечной полосе, где жизнь течет без слез,
Где нет весны, ни осени, ни лета,
И трепета чуть обнажившихся берез.

Мы все-таки живем и, веря в тайные приметы,
В мирах любви летим к своим созвездиям,
Пусть путь наш осветит хвост ледяной кометы,
А стих – с неверным перебоем, шестистопный ямб.

Мы все-таки живем, так начинают жить сначала.
И в небо глянет Русь, не ставшая сполна...
Мы все-таки живем, и в трепете берез
и в досках деревянного причала,
Где тихо бьется одинокая волна.

СОДЕРЖАНИЕ

«Август.....»	3
«Донна Анна, Дона Белла, Донна Беата...»	4
Манхэттен	5
Потерянное	6
«Силуэты в линиях плача...»	7
Поворотное слово	8
«Вон на Елоховке, опять звонят к вечерне...»	9
Бальмонт.....»	10
Гурзуф.....»	11
Призвание.....»	12
«На улице так холодно, темно, что стыннут руки...»	13
«На закрытых глазах рисует глаза, Жан Кокто...»	14
Анима	15
«О, да...О, нет...О, да».....»	16
Первый ноктюрн Шопена. Сочинение 9, № 2.....»	17
Хоть ты меня раздражаешь но ты живёшь в моём сердце.....»	18
Найди ту, которая заденет твою душу	19
«Пускай сквозит, сквозь ледяные сквóзи...»	20
«Целую белый снег и поздний синий вечер...»	20
Я искал свою душу в женском теле.....»	21
«Несовершенство бега, сломанный каблук...»	22
Asparagus.....»	23
* * *	
1. «Пока на крышах нескончаем дождь...»	24
2. «Уходят, уходят по тёмным окошкам потоки...»	24
«Сегодня тоже сумрак поздний...»	25
Перед разрывом.....»	26
«Когда всё хорошо – всё спокойно...»	26
Символы лю	27
Тамариск	28
Барвинок	29
М. Цветаевой	30
«На севере ночи сияет звезда небосклона...»	21
Тайна Головинского парка	32
«Здесь тропики, жарко, не так протекает простуда...» ..	33
Flech back (возврат к прошлому).....»	34
Символ повеленья.....»	35
Зеркала ночи.....»	36
Мир желанный тех жизней и узок и тесен	37
«Мы все-таки живем в предчувствии иного света...»	38

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

ВАЛЕНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ КУКЛЕВ
Приближается звук

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 01.09.2009
Подписано в печать 21.10.2009

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок, д. 2,
стр. 3, офис 333. тел./факс (495) 697-06-89.